

**Александр
ВАСЬКИН**

**СОВЕТСКАЯ
БОЛЕМА**

**ОТ ЛИЛИ БРИК
ДО
ГАЛИНЫ
БРЕЖНЕВОЙ**

**МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019**

ГЛАЗИРОВАННЫЙ СЫРОК
ДЛЯ «КОРОЛЕВЫ БОГЕМЫ»

Где-то в 1960—1970-х годах на Кутузовском проспекте Москвы — строго охраняемой правительственной трассе — нередко можно было встретить странную супружескую пару. Необычной в этом дуэте была, прежде всего, пожилая дама — одетая явно не по-нашему, с вызовом, броско и не по годам. Все в ней было диковинно, на взгляд советского обывателя, давившегося в очереди за Чеховым: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Огненно-рыжие волосы, почему-то сплетенные в косичку, как у героини картины «Дочь Советской Киргизии» (кто из нас не писал изложение в школе по этой картине!). Размалеванная физиономия — нечто среднее между клоуном Олегом Поповым и Марфушенькой-душенькой из фильма «Морозко» в исполнении Инны Чуриковой: нарисованные брови, словно объевшийся помадой алый рот, румяные щеки с вишневым отливом. Казалось, что на перепудренном лице и живого места не осталось. Ни дать ни взять — старый князь К. из «Дядюшкиного сна» Достоевского, только в юбке и с маникюром цвета переходящего Красного знамени. Впрочем, юбок она не носила, предпочитая брюки, зимою же укутывалась в роскошную норковую шубу зеленого (!) цвета, точно купленную не в ГУМе-«шмуме» и даже не в спецсекции для номенклатуры, а в самой Франции. А на голове — та же огромная клоунская кепка, дополнявшая провокационный образ.

Даму-инопланетянку обычно сопровождал молодежавый элегантно одетый мужчина в кепочке, этакий паж. Лицо его напоминало маску — большие «рогатые» очки, мощный нос, впрочем, слегка выдававший его кавказское происхождение. Поддерживая спутницу за локоть, он направлял ее движение. Как правило, выйдя из своего подъезда дома 4/2 по Кутузовскому, они отправлялись гулять. Дама с удовлетворением могла бы заметить: ее появление на улице вызывало неподдельный интерес прохожих, мало кто не поворачивал головы ей вслед. Не то чтобы от нее нельзя было оторвать глаз, но что она превращалась в бельмо на глазу — это точно. Явись здесь поддатый дворник Тихон со своей метлой, он непременно бы обрадовался: «Барыня! Из Парижа!» И если Ипполит Воробьянинов постарался развеять догадку дворника, то дама, напротив, охотно подтвердила бы: «Да, из Парижа, только вчера прикатила!»

Прогуливающаяся пара неспешно направлялась к знаменитому гастроному, много лет существовавшему в сталинской высотке гостиницы «Украина». Но что могло привести их сюда? Судя по цвету шубы, ее обладательница была прекрасно осведомлена о том, что в Париже «есть очень странный обычай — там едят так поздно, что нельзя понять, что это: ранний ужин или поздний обед!». Иными словами, в продукции блатного гастронома они вряд ли нуждались. Что они могли там купить? Колясочку «Украинской» колбасы с чесночком? Торт «Киевский» или горилку с перцем? — ведь отоварились они в «Березке».

Войдя под своды ампирного гастронома, сладкая парочка направлялась напрямиком в молочный отдел. Здесь, перед тем как занять очередь, он подводил ее к окну и привычно водружал на пьедестал — высокий мраморный подоконник, откуда она становилась еще более заметна магазинной аудитории. Впрочем, здешние завсегдатаи уже готовились к представлению: вот, сейчас-сейчас... Пока он пробивал в кассе чек, а потом стоял в молочный отдел, она куковала на своем подоконнике, болтая ногами и что-то там насвистывая себе под нос. Публика в это время обмирала, бабки в пуховых платках, командированные с портфелями смотрели на диковинную покупательницу с раскрытым ртом. А она всем своим видом выказывала полное равнодушие и

наплевать к происходящему вокруг. Гастроном был избалован вниманием знаменитостей, кого здесь только не видели: кинорежиссера-орденоносца Сергея Герасимова с его женой холодноватой (но не похожей на Веру Холодную) актрисой Тamarой Макаровой, знаменитого «Чапаева» Бориса Бабочкина, поблекшую кинозвезду 1930-х годов Зою Федорову, балерину Майю Плисецкую, фокусника Арутюна Акопяна и даже самого Бориса Сичкина. Но это «Явление Христа народу» грозило переплюнуть всех их вместе взятых по степени производимого эффекта или, как сейчас говорят, по рейтингу.

Наконец радостный паж возвращался с добычей — глазированными сырками Останкинского молочного завода. Вот, оказывается, за чем они сюда приходят! Писклявым тонким голоском она просила немедля, тут же покормить ее. Из раскрытой блестящей сине-бронзовой упаковки сырок в шоколадной глазури — мечта советского школьника (и не только того, что запомнил эту сценку на всю оставшуюся жизнь и стал впоследствии известным театроведом*) — целиком отправлялся в ее рот. Сначала один, затем второй, третий. Как свежо и вкусно! А запах какой — его ничем не спутаешь. А еще говорят, что к старости острота восприятия снижается. Но у нее, видно, все было в норме. Сырки она поглощала со скоростью пожарной машины, высасывающей своим шлангом всю воду из садового пруда — в том смысле, что до дна.

Обалдевший магазин понемногу приходил в себя. Дело даже не в том, что старуха все сырки слопала сама, хотя и это было ненормально — она должна была бы отнести их внучкам домой, но, видно, у нее их и в помине не было. Главное, что ее узнали: «Это она, она! Да это же из-за нее застрелился Маяковский!», и далее следовали другие нехорошие эпитеты, раскрывавшие всю глубину познаний советских граждан о причинах неожиданного самоубийства хорошо устроившегося пролетарского поэта. Да, это была она, Лиля Брик, женщина без отчества, богемный персонаж Серебряного века, эпохи первых пятилеток, целины, освоения космоса и развитого социализма. Одни до сих пор считают

---

* Николаевич С. Мой Кутузовский // Сноб. 2017. 21 апреля.

ее главной виновницей самоубийства поэта, другие — агентом ГПУ, третьи же мнят «музой русского авангарда».

Она сменила кучу мужей, официальных и не очень (фамилию одного из них она носила). Этот последний муж (с 1937 года) — Василий Катанян — и притащил ее в магазин за сырками. Последним его называли часто — дабы не запутаться. Будучи на одиннадцать лет моложе, он смиренно играл роль литературного приложения к своей жене, писал биографию Маяковского, что было очень сподручно — первоисточник всегда имелся под рукой.

Лиля Брик поддерживала тесные связи не только с органами, но и с заграницей (ее сестра — Эльза Триоле, лауреат Гонкуровской премии и жена Луи Арагона), жила на широкую ногу. На ее столе не переводились икра и устрицы, а за столом — все ведущие деятели мировой литературы, что навевались в Советский Союз. Дом был увешан картинами Пикассо и Шагала, подаренными ей лично. Попасть в ее салон считалось огромной честью. Сама Ахматова боялась этой женщины, которую, выражаясь языком энциклопедий, можно назвать организатором литературного процесса. Лиля, кажется, пережила всех своих друзей и врагов, не дожив четырех лет до девяностолетия, покончив с собой в 1978 году, предварительно наказав развеять свой прах над лесом. Под Звенигородом ей стоит надгробный памятник с тремя буквами «ЛЮБ». Так ее и называли за глаза.

Но пока до самоубийства оставалось лет пятнадцать. Лиля объедалась сырками на подоконнике сталинского гастронома и готовилась вновь принять у себя в салоне очередного прогрессивного деятеля. Почему она приходила сюда за сырками и тут же уплетала их? Ну в самом деле: в ее салонном помойном ведре упаковки изпод глазированных сырков смотрелись бы как-то не к месту. Вот пустая бутылка «Вдовы Клико» — это другое дело, а тут какой-то сырок. Хотя режиссеру Сергею Параджанову (частому гостю Брик) для его причудливых инсталляций упаковка из фольги могла бы пригодиться... Наевшаяся досыта Лиля, слезшая с подоконника, отправлялась к выходу. Катанян уже открывал перед ней тяжеленную дверь гастронома. «Чего с них взять-то! Богема, мать их раз так!» — несло им вслед...

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ.
ЗАМЕРЗШАЯ БОГЕМА ГОЛОДАЕТ
И ЕСТ ВОБЛУ НА ЗАВТРАК,
ОБЕД И УЖИН

Блинчики с вареньем для Алексея Толстого — «Пора валить из страны!» — Происхождение богемы — «Цыганы шумную толпой» — Монмартр и Монпарнас — Вольность, пьянство и талант — Общежитие и кабаре как стиль жизни — Бесплатный суп не только в мышеловке — 1918 год: Разруха в головах — Мешок муки для Станиславского и корыто для Неждановой — Дворец искусств на Поварской улице — Луначарский, любитель революций и женщин — Демьян Бедный, вовсе и не бедный — «Главный писатель» Иван Рукавишников — Сергей Есенин живет в ванной — Академические пайки и санатории для советской богемы — Марина Цветаева и Ариадна Эфрон — Богемные дивы к услугам писателей — Бальмонт и Белый хотят в Европу — По тонкому льду... в эмиграцию — Гумилев и Кузмин: «А в Москве-то еда есть!» — Борис Пильняк на автомобиле — Художник Вышеславец на раздаче хлеба — Художники братья Миллиоти — Церковная служба во Дворце искусств — Непрерывный турнир талантов

*«Софья Власьева» — советская власть.
Из сленга московской богемы*

В один из ярких солнечных дней ранней весны 1918 года в уютной арбатской квартире писателя Алексея Толстого случился переполох. Супруга графа Наталья Крандиевская, зайдя в его кабинет, растерянно развела руками: «Алешенька, какой кошмар! Кухарка только что пришла с Охотного Ряда, говорит, провизии нет и не будет...» Удивленный Толстой даже в лице переменился: «То есть как это не будет? Что за чепуха? Пошлите к Елисееву за сосисками и не устраивайте паники». Послали. Результат оказался тот же: двери «храма обжорства» — Елисеевского магазина на Тверской — были наглухо закрыты, на них висело лаконичное объявление: «Про-

дуктов нет». Кто-то приписал рядом мелом: «И не будет». Понимай, как хочешь: то ли издевательство, то ли правда. В тот день семье писателя пришлось утолять голод блинчиками с вареньем и черным кофе.

Во многих квартирах Москвы, Петрограда и других российских городов наблюдались похожие сцены. Но нас, конечно, интересуют квартиры творческой интеллигенции, никак не ожидавшей оказаться абсолютно беспомощной перед лицом дефицита продуктов. Казалось бы, всё пережили — и революции, и Первую мировую войну, — и вроде как-то справились, кушать было что. И главное: завтрашний день не обещал ничего хорошего, что вновь заставило задаться вечным вопросом: «Что делать-то?» В самом деле, невозможно же и на завтрак, и на обед и ужин есть блинчики! Для Алексея Толстого ответ оказался очевидным: «Пора отваливать из Москвы», ехать туда, где еще есть еда, — на Украину (пускай там немцы, зато сытно!), а потом уж ясно будет. Так и сделали, наскоро собравшись, всей семьей, включая годовалого сына Никиту (будущего народного депутата РСФСР), погрузились на поезд до Курска, а там до Харькова. «Литературно-концертное турне» Толстого в итоге закончилось в Берлине. Пережив безбедно пять первых голодных лет Советской России в эмиграции, обратно он вернется в 1923 году и станет крупной общественно-политической фигурой, проблем с едой у Толстого уже не будет, а будет усадьба в Москве и статус выдающегося советского писателя (по случаю кончины которого в 1945 году объявят траур — случай невиданный).

Ну а остальные? Им-то куда ехать? И кому они там за границей нужны в таком количестве? Перед подавляющим числом писателей, художников, артистов и прочих представителей российской богемы со всей очевидностью встал вопрос выживания. Продукты в разоренной Гражданской войной стране закончились так же скоро, как и дрова, без которых в суровые зимы обойтись было невозможно. Инфляция съела все накопления, золото-бриллианты мерили не каратами, а фунтами хлеба. Но российская богема не привыкла голодать, более того, источником своего существования она традиционно полагала творческую, а не какую-либо иную профессиональную деятельность. А когда нечего есть, то книги,

картины, спектакли отходят на второй план: не до жиру, быть бы живу. В такой ситуации повседневная жизнь богемы становится очень похожей на жизнь простых обывателей, рыскающих в поисках куска хлеба...

Начиная повествование о повседневной жизни советской богемы, прежде всего необходимо рассказать, откуда, собственно, эта самая богема взялась. Советская богема унаследовала многие признаки богемы дореволюционной, а та, в свою очередь, впитала в себя традиции Монмартра и Монпарнаса. Примечательно, что и слово-то французское — *bohémien* — и обозначает выходцев из Богемии, коими в Средние века были цыгане, среди которых встречалось немало музыкантов, певцов, актеров, зарабатывавших своим ремеслом на хлеб с маслом. Как там у Пушкина:

Цыганы шумною толпой
По Бессарабии кочуют.
Они сегодня над рекой
В шатрах изодранных ночуют.
Как вольность, весел их ночлег
И мирный сон под небесами;
Между колесами телег,
Полузавешанных коврами...

Шумные толпы цыган докочевали в конце концов и до Парижа, на площадях которого юные эсмеральды устраивали представления с песнями, танцами и бубнами (смотри «Собор Парижской Богоматери»). А с середины XIX века богему стали отождествлять уже не обязательно с цыганской, а уже со всей творческой интеллигенцией. Наш великий поэт, отнюдь не чуждый богемной жизни, подметил ее важные атрибуты: вольность (суждений, вкусов и нравов); бесконечное и шумное веселье, часто нетрезвое; изодранность и потертость (одежда только прикрывает наготу и не более того); сон, где попало, хоть под небом, хоть под телегой. А еще пренебрежение к звонкой монете и вообще всякой собственности.

Но самым главным, конечно, в определении богемности служит творческое начало. Будь ты артист, художник или поэт, но для причисления к богеме ты должен обладать неоспоримым талантом, оригинальным и ни на кого не похожим. Чуть не забыли про нужду — веч-

ного спутника не признанного официальными кругами художника. Даже странно себе представить молодого гения, купающегося в деньгах, — какая же это богема? Недаром словарь Брокгауза и Ефрона так и определяет богему — как «всякую интеллигентную бедноту, которая артистически весело и беззаботно переносит лишения и даже с некоторым презрением относится к благам земным».

Возьмем хотя бы знаменитую оперу Джакомо Пуччини «Богема», написанную в 1896 году на сюжет романа Анри Мюрже «Сцены из жизни богемы», впервые увековечившего этот образ жизни на бумаге еще в 1851 году. Действие оперы разворачивается в студенческом Латинском квартале Парижа. Главные герои — бедные, но талантливые художник Рудольф, поэт Марсель, музыкант Шонар и философ Коллен. Живут в мансарде, пить им нечего, есть тоже, топить комнату также нечем — то ли последним стулом, то ли собственными произведениями. При пустых карманах они днем и ночью пропадают в кафе «Момус», где ведут себя вызывающе и часто не платят по счетам. Финал оперы трагичен — Мими, подруга Рудольфа, умирает от чахотки у него на руках (ради ее бесполезного лечения пришлось продать пальго). Но любовь побеждает смерть. Получилась штука посильнее «Фауста» Гёте, как говаривал лучший друг советской богемы товарищ Сталин. Опера до сих пор входит в пятерку самых исполняемых в мире — оно и понятно: богема нынешняя мучительно пытается припасть к истокам своего происхождения.

Кафе «Момус» существовало на самом деле и в середине XIX века находилось неподалеку от Лувра. Его завсегдатаями были Шарль Бодлер, Франсуа Рене Шатобриан, Гюстав Курбе и многие другие известные творческие личности. Некоторые художники приходили сюда прямо с мольбертами и рисовали с натуры своих друзей. Кафе славилось низкими ценами, здесь можно было взять абсент или чашку молока и целый день напролет сидеть за столиком — это называлось «пойти разогреться в “Момус”». Кафе давно и след простыл, а вот Латинский квартал превратился в престижный район Парижа, где нет места не только бедным художникам, но и студентам Сорбонны, для которых снимать здесь жилье — слишком дорогое удовольствие. Кстати, те же

«Сцены из жизни богемы» Анри Мюрже послужили основой еще одного известного произведения — оперетты Имре Кальмана «Фиалка Монмартра».

Так и повелось, что кафе стало той пристанью, к которой причаливали творческие натуры, превратившись в своего рода элемент богемной жизни. В Москве ли, в Санкт-Петербурге или Париже они назывались по-разному, но суть была одна: недорого, а иногда и бесплатно. Монмартр, например, привлекал богему в бары и кабаре «Черный кот», «Мулен Руж», «Проворный кролик». В Москве были «Летучая мышь», ресторан при гостинице «Националь», кафе «Артистическое» напротив МХАТа, в Северной столице — «Бродячая собака», гостиница «Европейская» с филиалом «Восточный» на Невском проспекте — так называемый «третий зал Филармонии», ибо находился он между Малым и Большим ее залами.

Ну а если денег не было, чем расплачивались художники? Правильно, своими картинами, что могла позволить себе лишь истинная богема. Такие штуки часто любил проделывать Амедео Модильяни, вечно нищий и великий. Картины, как правило, развешивали на стены, в результате чего подбиралась неплохая коллекция живописи, разошедшаяся затем по многим музеям мира. Впрочем, картинами платили и за постой. На юге Франции до сих пор сохранилась гостиница «Золотая голубка», стены которой увешаны работами многих знаменитых художников — Пабло Пикассо, Анри Матисса, Мориса Утрилло, Рауля Дюфи, Пьера Боннара, Хаима Сутина, Марка Шагала и др. Хозяин отеля, ценитель современной живописи, с большой охотой принимал полотна молодых талантливых живописцев в оплату за проживание. Некоторые из них так привыкли ездить сюда, что даже не заморачивались отсутствием денег в карманах. Напишут на пленэре этюд-другой и пожалуйте: живи еще неделю! С годами гостиница превратилась в художественную галерею, хоть билеты продавай, а лучше всего, конечно, снять номер, ибо цена проживания здесь значительно выше, чем на соседней улице, учитывая историю места. В Советской России тоже был свой Модильяни — художник Анатолий Зверев, за пять минут в качестве благодарности способный нарисовать портрет хозяина квартиры, давшего ему крышу

над головой. Картину затем облекали в раму и вешали на стену в красном углу.

Но вернемся в Париж, куда еще в конце XIX века стали навеваться многие даровитые выходцы из России. Направлялись они напрямик на Монмартр — бывшее предместье французской столицы, холм, с которого открывается прекрасный вид на нее. В те годы это был далеко не самый престижный район города, куда по причине дешевизны устремлялись голодные таланты — Ренуар, Сезанн, Ван Гог, Тулуз-Лотрек, Аполлинер, Руссо-Таможенник, Пикассо, Модильяни и многие другие. Для всех желающих широко раскрывало свои двери общежитие «Бато-Лавуар»*, в переводе «Корабль-прачечная». Скорее оно было похоже на старую баржу-развалюху, каким-то образом затонувшую на холме. Трудно было найти более бедное место, хотя парижские клошары, ночевавшие под мостами, обрадовались бы и этому. В переводе на советский язык его можно было бы назвать Домом творчества на Монмартре. По сути это был дом-коммуна, состоявший из миниатюрных комнатушек, с коридорной системой, без света и с одним водопроводным краном на все пять этажей. Туалет тоже испытывал гордое одиночество. А прачечной это общежитие обозвали по причине того, что белье сушилось почти в его каждом окне.

В 1904 году на палубу «баржи» ступил мало кому известный Пабло Пикассо. Сперва он привел сюда свою собаку Фрику, а затем и возлюбленную Фернанду Оливье. Писал он картины под мерцание керосиновой лампы или, на худой конец, при свечах. А когда нечем было топить печку — бросал в огонь уже написанное. Нищета не была препятствием для загулов, благо питейных заведений было под боком во множестве. Бывало, возвращаясь под утро домой, он подавал соседям своеобразный сигнал из револьверных выстрелов. Так рождался кубизм.

Чтобы Пикассо, его друзья, возлюбленная и собака не умерли с голоду, их кормили бесплатным супом, что стоял в котле у входа в близлежащее кабаре «Проворный кролик»**. В этом кабаре молодые поэты деклами-

---

* «Bateau-Lavoir».

** «Le Lapin Agile» («Лалин ажил»).

ровали свои стихи (вот откуда пошла традиция собираться, например, на площади Маяковского в Москве и читать собственные сочинения). Здесь нередко собирались за одним столиком поэты Гийом Аполлинер и Жан Кокто, писательница Гертруда Стайн и многие другие. Но все же наиболее известным местом сбора богемы было кабаре «Черный кот»*, память о котором сохранена на известнейшей афише — огромный кот на ярко-желтом фоне. Поначалу оно состояло всего лишь из двух комнат, в одной из которых располагался художественный салон, в другой — столики. Позже главным действующим лицом кабаре стал конферансье.

Богемная жизнь Монмартра затухла с началом Первой мировой войны. Кого-то уже не было в живых (Аполлинер умер от ран), кто-то смог позволить себе жилье и получше (Пикассо). Постепенно богемное одеяло перетянул на себя некогда захолустный Монпарнас — в переводе «гора Парнас», находившаяся на противоположном, южном конце города. Трудно придумать более подходящее название для богемного квартала. Легенда гласит, что Парнасом огромную мусорную кучу нарекли студенты Латинского квартала, здесь же и декламировавшие свои стихи. Так или иначе, но ныне от горы ничего не осталось, а вот бульвар Монпарнас до сих пор существует, уже более двух столетий являясь пристанищем для всевозможных кабачков и кабаре. Богема никогда не кончается, постоянно мигрируя из одного угла в другой — это еще одно ее причудливое свойство.

На Монпарнасе возникло общежитие под красноречивым названием «Улей»** — приспособленный под жилье бывший павильон бордоских вин, купленный на распродаже имущества Всемирной выставки 1900 года. Условия были уже получше, нежели на старой «барже». Почти полторы сотни небольших студий сдалось дешево в аренду многообещающим дарованиям, среди которых встречались представители разных стран и народов — Леже, Шагал, Сутин, Архипенко и др. «Улей» существует и по сей день, ну а собирались его обитатели опять же в кафе. Самое известное из них — «Клозе-ри де Лиля»***, где Хемингуэй за бокалом виски написал

---

* «Le Chat Noir» («Ша нуар»).

** «La Ruche» («Ля Руш»).

*** «La Closerie des Lilas».

немало строк, в том числе «Фиесту». В кафе художники, скульпторы и писатели пили, курили, спорили по творческим вопросам (иногда до драки), засыпали за столом и расплачивались картинами. Хотя был один завсегдатай, который точно не участвовал в драках, не писал картин, а думал о пролетарской революции — Владимир Ленин, чьим любимым занятием в кафе была игра в шахматы. Художники поглядывали на него искоса и с подозрением...

Итак, общежитие или коммуны можно назвать основным стилем повседневной жизни богемы, причем не в деревне, а непременно в городе — столичном, с его постоянно меняющимся ритмом жизни. Недаром Марк Шагал писал о Монпарнасе: «Я хотел увидеть своими глазами то, о чем я столько слышал. Эта революция глаза, ротация цветов, которые вдруг неожиданно смешиваются с другими цветами и превращаются в поток линий. В моем городе (Витебске. — А. В.) такого не было».

Как ни странно, но именно в советское время и стало возможно совместное проживание представителей так называемой творческой интеллигенции — так будут называть богему от Ленина до Горбачева. Писатели, художники, композиторы, актеры селились квадратно-гнездовым методом: у них были свои комфортабельные многоквартирные жилые дома (а порой и целые кварталы) и дачные поселки. В Москве и Подмосковье, например, писатели жили в Лаврушинском переулке, в районе станции метро «Аэропорт» (сценаристка Майя Туровская несмешно пошутила, назвав этот писательский район «гетто»), на Ломоносовском проспекте и вокруг станции метро «Университет», в Переделкине и Красной Пахре. Композиторы обосновались на Муссах и в Брюсовом переулке, отдыхать любили в Рузе. Живописцы обретались в городке на Нижней Масловке и поселке художников на Соколе. Актерская богема также селилась табором — взять хотя бы уютный квартал «Труженик искусства» в Воротниковском переулке, дома в Глинищевском и Брюсовом переулках, да разве все адреса перечислишь, учитывая темпы прироста творческой интеллигенции в каждой пятилетке...

В советское время представители творческих профессий — кем бы они ни были — существовали по единому принципу: вместе не только жили в своих

кооперативах и отдыхали в многочисленных домах творчества, но и лечились в своих же поликлиниках, воспитывали детей в своих детских садах, получали дефицитные продукты в своих «столах заказов» и т. д., и т. п. В общем, обитали коллективно и (в то же время!) обособленно от народа, для которого они создавали свои нетленные произведения. Ибо на весь народ, строящий коммунизм, комфорта и удобств не хватало, а вот на содержание узкой социальной творческой прослойки немного наскребли...

А зародилась традиция советских творческих коммун как раз в те годы, с рассказа о которых мы начали эту главу. Голод и холод, а также необходимость общения и сплотили богему под одной крышей, поскольку выжить по одному было просто не реально. Уже первая революционная зима 1918 года ввергла Москву в почти доисторические времена: все системы жизнеобеспечения были разрушены, в том числе канализация и отопление. Часто не было и электричества, жили при свечах. Вот, например, что творилось в престижном доходном доме на Арбате, где жили Лика Мизинова и ее муж режиссер Московского Художественного театра Александр Санин. В роскошных апартаментах расквартировался полк Красной армии, он занял половину дома, — ту, где размещались все нечетные квартиры. Их жильцам было велено в 24 часа освободить помещения и переехать в четные квартиры, так сказать, уплотниться. В итоге дом превратился в коммунальный клоповник и казарму одновременно. Солдаты, подобно героям «Собачьего сердца», каждый день собирались во дворе дома и на всю ивановскую пели «Интернационал». Оправлялись они тут же, во дворе, ибо канализация в доме не работала. Жильцы дома завели кроликов, которые, размножившись, рыскали по квартирам. Когда кончались дрова, печи топили книгами и мебелью. Нетрудно представить, что творилось на Арбате — трамваи не ходили, уличное освещение не работало, в разбитых витринах опустевших магазинов бегали крысы.

Ни о каком прежнем уюте и речи не было. Жуткое впечатление производил московский дом поэтессы Марины Цветаевой в Борисоглебском переулке, куда писатель Борис Зайцев привез на салазках дрова: «Квартира немалая, так расположена, что средняя комната, некогда

столовая, освещается окном в потолке, боковых нет. Проходя по ледяным комнатам с намерзшим в углах снегом, стучу в знакомую дверь, грохаю на пол охапку дров — картина обычная: посредине стол, над ним даже днем зажжено электричество, за ним в шубке Марина со своими серыми, нервно мигающими глазами: пишет. У стены, на постели, никогда не убираемой, под всякою теплой рванью Аля. Видна голова и огромные на ней глаза, серые, как у матери, но слегка выпуклые, точно не помещающиеся в орбитах. Лицо несколько опухшее: едят они изредка». Маленькая дочь поэтессы Аля очень боялась крыс, что залезали на ее кровать, — грызунам нулевая температура в доме была нипочем. Цветаева и в мирное-то время была безалаберна в быту (свойство многих творческих людей!), а тут разруха — хоть ложись да помирай. В самом деле — трудно представить ее, выходящей ночью воровать заборы, — этим занимались тогда многие москвичи, искавшие, чем бы еще растопить печку.

А у Константина Станиславского после октября 1917 года отобрали театр. Существовать стало не на что, режиссер жил тогда (с 1903 года) на Большой Каретной улице в замечательной и обширной уютной квартире и уезжать никуда не собирался. Квартира занимала весь бельэтаж и частично третий этаж. Здесь же проходили и репетиции. Рядом с домом — роскошнейший сад, что очень нравилось основателю МХАТа и его жене актрисе Марии Лилиной. Но это было «до», а «после» вишневый сад порубили на дрова. Запасы продуктов в доме иссякли, купить масла и мяса в разоренной и голодной Москве составляло немалую трудность. И вот как-то в дверь к Станиславскому постучался необычный человек — делегат от Общества московских ломовых извозчиков. Он пока еще не просил освободить квартиру для собраний общества, а лишь позвал режиссера выступить «у них в чайной». Константин Сергеевич тут же согласился — обещали заплатить натурой, то есть продуктами.

Он читал извозчикам отрывок из «Горя от ума», монолог Фамусова. Но зрители почему-то не хлопали. Откуда им было знать про какого-то Фамусова, представителя эксплуататорских классов. Но следует отдать должное Станиславскому: «Надо еще над собой рабо-

«СЕРДЕЦ ЛИТАЯ ТВЕРДЬ»

В разгар развитого социализма из радиоприемников и с телеэкранов широко разливалась песня Александры Пахмутовой на слова Николая Добронравова «Малая Земля», которую наперегонки принялись исполнять звезды советской эстрады. Ожидание артистов да и авторов было объяснимо — хотя бы одному зрителю на кремлевском концерте песня точно понравится, не говоря уже о его коллегах по работе и друзьях-однополчанах. Так и вышло, песня стала лауреатом телевизионного конкурса «Песня года 1975» и исполнялась вплоть до 1982 года и могла бы кануть в Лету вместе с другими подобными проявлениями любви творческой интеллигенции к дорогому Леониду Ильичу. Тем не менее не весть какой музыкальный шедевр, но эта песня осталась в памяти именно благодаря своему тексту, в первом куплете говорится:

Малая Земля. Кровавая заря..
Яростный десант. Сердце литая твердь.

Именно последние три слова и заставляют до сих пор ломать голову — что имел в виду автор текста? При чем здесь сердце и почему оно литое? Ведь человеческое сердце должно биться. И каким образом оно превращается в твердь? Не будучи в силах ответить на столь сложные вопросы, я как-то обратился по этому поводу к поэту Константину Ваншенкину. Старый поэт-десантник (а вдруг у десантников какие-то

особые сердца?), бывавший довольно резким в оценках, не изменил себе и здесь. Характеризуя художественный уровень процитированного мной произведения, он не стал подбирать слова, а довольно емко и лаконично сформулировал свои соображения на этот счет. Из всех произнесенных им выражений я могу привести здесь лишь слово «хреновина»...

Некоторые читатели могут возразить — почему в книге не названа фамилия художника *N* или писателя *МN*? Ведь они тоже богема, их также видели в ресторане ЦДЛ или Дома актера, в «Национале» или «Арагви», в приемной директора Елисеевского гастронома, на выставке в Манеже, на приеме в посольстве и пр. Но книга не резиновая, к тому же это не справочник творческих союзов с адресами и телефонами. И дело даже не в конкретных фамилиях, а в типичности богемных персонажей. В конце концов, важна не фамилия, а образ жизни, представленный во всей полноте своей повседневности. Я бы мог не называть фамилий — и все равно читатель узнал, о ком идет речь, ибо родина знает своих героев.

И все же о типичности. Ну не жил бы в Москве Анатолий Зверев, спился бы или прибили бы его еще в конце 1960-х годов, — нашелся бы другой богемный художник, снискавший бешеный успех у культурного обывателя, ибо обыватель этот испытывал неудовлетворенную потребность в другом искусстве, противном соцреализму. То же можно сказать и про Веничку Ерофеева, и про Чудакова, они вроде бы не советские, но порождены-то все равно этой средой, напитавшей их досыта жизненным опытом и бесценным материалом для творчества, «в родной земле черпая силы, как говорил наш замполит...»...

Допустим, что Лилио Брик арестовали бы еще в 1937-м и сгинула бы она навсегда, как Зинаида Райх. И сейчас бы мы говорили о ней как о жертве репрессий. Но ведь вместо Лили придумали бы новую фигуру — ибо кто-то должен был устраивать у себя на квартире тусовки с иностранцами и поэтами-правдолюбями, ездить в Париж и уговаривать Ива Монтана, выполнять обязанности музы пролетарского поэта. Фамилия поэта также могла быть иной. Сама советская система диктовала такие условия игры, в которой каждый выполнял отведенную

ему роль (недаром Сталин пригрозил Крупской, что Ленину найдут другую вдову). И даже эмигрировавший из Союза живописец или литератор был интересен Западу именно как прямой антипод оставшимся в стране коллегам. Лишь единицы смогли «там» очиститься от советской кожиры. И влияние этого этапа отечественной истории на наше настоящее и будущее нам еще только предстоит оценить.

Заканчивая эту книгу, я, признаюсь, все пытался подобрать некий девиз или слоган, которым можно было бы обозначить главный принцип повседневной жизни московской да и всей советской богемы. Но все подходящие выражения в книге уже использованы, а повторяться не хочется. И «фига в кармане», и «халтура — тоже водка», и «главное — не как лепить (рисовать, писать, играть), а как сдавать», и даже про «несколько видов правды»... Это очень точные слова, самое главное, что они не придуманы, а сказаны персонажами этой книги. У меня же нет иного варианта, как охарактеризовать все происходившее с богемой на протяжении семи десятков лет, как «сердце литая твердь». Мне кажется, это очень точно. Надеюсь, читатель не осудит автора этой книги за оксюморон.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
ГЛАЗИРОВАННЫЙ СЫРОК ДЛЯ «КОРОЛЕВЫ БОГЕМЫ»

7

Глава первая
КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ. ЗАМЕРЗШАЯ БОГЕМА ГОЛОДАЕТ
И ЕСТ ВОБЛУ НА ЗАВТРАК, ОБЕД И УЖИН

Блинчики с вареньем для Алексея Толстого — «Пора валить из страны!» — Происхождение богемы — «Цыганы шумною толпой» — Монмартр и Монпарнас — Вольность, пьянство и талант — Общественные и кабаре как стиль жизни — Бесплатный суп не только в мышеловке — 1918 год: Разруха в головах — Мешок муки для Станиславского и корыто для Неждановой — Дворец искусств на Поварской улице — Луначарский, любитель революций и женицын — Демьян Бедный, вовсе и не бедный — «Главный писатель» Иван Рукавишников — Сергей Есенин живет в ванной — Академические пайки и санатории для советской богемы — Марина Цветаева и Ариадна Эфрон — Богемные дивы к услугам писателей — Бальмонт и Белый хотят в Европу — По тонкому льду... в эмиграцию — Гумилев и Кузмин: «А в Москве-то еда есть!» — Борис Пильняк на автомобиле — Художник Вышеславцев на раздаче хлеба — Художники братья Миллиоти — Церковная служба во Дворце искусств — Непрерывный турнир талантов

11

Глава вторая
ПУТЬ, УСЕЯННЫЙ КОМПРОМИССАМИ: ОТ БОГЕМЫ
К ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Юрий Нагибин: «Халтура заменила для меня водку» — Какого цвета творческая свобода? — С фигой в кармане — Пролеткульт, РАПП и ОПОЯЗ — Имажинисты против футуристов — Споры композиторов: авангард или пролетарская музыка? — Александр Мосолов и его «Завод» — Борьба в живописи: воинственные ахровцы и левовцы — Архитектурный конструктивизм и Константин Мельников — Дискуссии в театре — Богема как рассадник «врагов народа» — Постановление 1932 года — Социалистический реализм — Система творческих союзов как министерство искусств — Репрессии против

формалистов — «Ноги изолировать!» — «Оттепель» —
Распоясавшаяся богема — Травля Дудинцева и
Пастернака — Формирование андеграунда — Самиздат —
«Дан приказ ему на Запад»: третья волна эмиграции —
«Новая реальность» — Первые выставки западной
живописи — Манеж-1962 — Бульдозерная выставка-1974 —
Квартирники — «Современник», Таганка и Табакерка —
«Хренниковская семерка»: ату их! — Квартира для Хренникова

58

Глава третья

«ГОСПОДИ, КОГДА ВЫ ВСЕ ТОЛЬКО НАЖРЕТЕСЬ!»
ПИСАТЕЛЬСКАЯ БОГЕМА В ПОГОНЕ ЗА КОМФОРТОМ
Венгерская курица и чай со слонем — Леонид Леонов: «Хочу
в академики!» — Как сыр в масле катались... — 15 «Волг»
за собрание сочинений — Как и где жили писательские
«шишки»: Фадеев, Симонов, Михалков — Эренбург летает в
Голландию — Георгий Марков: «Две “Гертруды”» на лацкане —
Константин Ваншенкин на Ломоносовском — Министр
культуры: «Писателей уже некуда селить!» — Драка
в Лаврушинском: вилкой в мягкое место — Эммануил
Казакевич — Антисемит Суров и литературные негры —
Как платили гонорары — Сартр с Шостаковичем в
сберкассе — Пастернак в двухэтажной квартире —
Ахматова в босоножках — Богемные сборища — Шаламов
за 101-м километром — Шкловские: «Мы своих стукачей
знаем!» — Валентин Катаев и холодильник из Америки —
Критики партийные и антипартийные — Рыбаков и
Панферов — Как получить дачу на Николиной Горе — «За
голубым забором» — Пришвин: «Люблю я свою квартиру!» —
«Каин, где Авель? Никулин, где Бабель?» — Богатая соседка
Лидия Русланова — ЦДЛ — Кто стриг и хоронил писателей

103

Глава четвертая

МОСКОВСКИЙ МОНМАРТР. МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА
КАК СОСРЕДОТОЧИЕ БОГЕМНОЙ ЖИЗНИ
Городок на Верхней Масловке и поселок Сокол — У Жоржа
Великоленного — Иконы на стенах, «Касабланка» на
экране — Соцарт Василия Яковлева: «Спор об искусстве» —
Как рисовать Сталина в «две руки» — Скульптор Меркуров
и его усадьба в Измайлове — Покровитель искусств
маршал Ворошилов — «Главное не как лепить, а как

568

*сдавать!» — Уймите Вучетичей! — Мастерская Эрнста
Неизвестного в Большом Сергиевском переулке — Большая
драка за огромные гонорары — Всем хочется получить
«государыню» — Стеклянная пивнушка на Сретенке — Он
тил как лошадь — Сидур, Лемпорт и Силис — Памятник
Хрущеву как козырная карта — Илья Кабаков — Группа
«Сретенский бульвар» — Сколько они получали —
Лианозовская группа — Оскар Рабин — Сапфир и Холин —
Богема в лагерных бараках — «Короли богемы» Борис
Мессерер и Лев Збарский — Как построить мастерскую
руками опохмелившейся бригады — Венчик Ерофеев и
«мерзавчики» — Альманах «Метрополь» и «Влипкины» —
Илья Глазунов в Калашном переулке — «Товарищ Щелоков,
подарите мне пистолет!» — И здесь Михалковы! —
Мастерская Анатолия Брусиловского — Пиршество духа и
тела — Боди-арт*

161

Глава пятая

**АРТИСТИЧЕСКАЯ БРАТИЯ. БОГЕМНЫЕ КАБАРЕ И КАФЕ.
КАПУСТНИКИ. ДОМ АКТЕРА. СПАСИТЕЛЬНЫЙ «АРАГВИ»**
*Приюты комедиантов — Кабаре «Летучая мышь» —
Никита Балиев — Валерия Барсова: «Ты жива еще, моя
старушка?» — Алиса Коонен: «Какие гадкие люди кругом!» —
Кабаре «Нерыдай» — Михаил Жаров и Рина Зеленая —
«Кафе футуристов» — Давид Бурлюк — «Стоило Пегаса» и
«Домино» — Есенин на сцене: «Я посылаю вас к...» — Мордобой
в кафе — Ресторан Дома Герцена — Легендарный Розенталь,
он же Арчибальд Арчибальдович — Клуб искусств в
Старошименовском — Дом актера и ресторан «У Бороды» —
Капустники — Ширвиндт с Державиным — «И мой тук-тук
со мною» — Антиюбилей Леонида Утесова — Мясная вырезка
с жареной картошкой — Сергей Юрский: «Богема не знает
начала и конца» — Кафе «Артистическое» в Камергерском —
Окуджава на магнитофоне — Московский Монпарнас —
«Наши Тулуз-Лотрек» Юрий Соболев — Юло Соостер на
салфетках — Бродячий философ Александр Асаркан —
Глоток кофе и свободы — Зависть Ростроповича —
Дирижер Кондрашин — Большие оклады Большого театра —
Геловани и Чиаурели — Обед Иосифа Бродского — Шашлык
по-карски и сациви — Высоцкий боксирует —
Банкеты в «Праге»*

220

Глава шестая

БОГЕМНЫЕ САЛОНЫ СОВЕТСКОЙ СТОЛИЦЫ

«Как бы» наследницы Зинаиды Волконской — Салон Луначарского в Денежном переулке: «Я беру эту квартиру!» — У Галины Серебряковой на улице Грановского — Шостакович: «Поганый город Москва, почему он не хочет дать мне места в лоне своем?» — Салон наркомши Евгении Ежовой — Бабель, Шолохов и Ежов — Нарком-меломан и любитель поэзии — Салон Зинаиды Райх и Всеволода Мейерхольда в Брюсовом переулке — Вечеринки с густым налетом богемы — В сетях лубянской агентуры — Печальный конец режиссера — Кто убил Райх? — Американский салон на Зацепе — «Шпионы» Эдмунд и Нина Стивенс — «Васька» Ситников — Мы открываем Западу русский авангард! — Иконы в обмен на жвачку — «И я там был, мед-пиво пил!» — Квартирники и пикники в Гагаринском переулке — Коллекционер Леонид Талочкин — Салон Сычевых на Рождественском бульваре — Салон Ники Щербаковой на Патриарших — Поэтический салон Алены Башиловой — СМОГ и Леонид Губанов — Южинский кружок Юрия Мамлеева — «Кружок патриотов» на Котельнической набережной — Салон Виктора Луи в Переделкине — Очень ценный агент — Красиво жить не запретишь!

280

Глава седьмая

СОВЕТСКАЯ ЛЬВИЦА ЛИЛЯ БРИК И ЕЕ САЛОНЫ

Укротительница мужчин и обольстительница поэтов — Донжуанский список Лили — Горбатую могила исправит — Осип Брик, марксист — Как делать деньги на песке — «Ося и Лилия были тут» — Первый богемный салон на улице Жуковского — Любовь на троих и больше — «Баллада о прокуренном вагоне» — «Башиня» Вячеслава Иванова — Екатерина Гельцер: «Навертите меня ему!» — Лилия одевает Хлебникова — Сестры Синяковы — Лилины маскарады — Ахматова о Лиле: «На истасканном лице — наглые глаза» — Лилия, Пунин и Мейерхольд — В Москву, в Москву, за Совнаркомом! — Ося работает на ГПУ — «Для нас тогда чекисты были — святые люди!» — Яков Агранов, большой друг советской богемы — Второй богемный салон в Водопьяном переулке — Сергей Юткевич и Рита Райт — Третий богемный салон в Гендриковом — Новый муж Виталий Примаков — Четвертый салон в Спасопесковском — Лилия Слуцкому: «Боря, да вы поэт!» —

Эльза Триоле и «Арагоша» — Лиля Щедрину: «Родион, да вы композитор!» — Пятый салон на Кутузовском — Соседи с Плисецкой — Как заманить Монтана — Все свежее, из «Березки» — Лиля Вознесенскому: «Андрюша, вы тоже поэт!» — Лимонову: «И вы поэт, Эдичка!» — Платья для Сергея Параджанова

326

Глава восьмая

БОГЕМНЫЕ ТУСОВКИ МОСКВЫ:

СПАСО-ХАУС, «НАЦИОНАЛЬ» И «МЕТРОПОЛЬ»
«Введите гражданина посла!» — Резиденция в Спасопесковском — «Цирк Буллита» — Русское гостеприимство — Шоу в стиле «Великий Гэтсби» — Морские львы и Дуров навеселе — Весенний бал 1935 года — Булгаковы: «Американский посол опять нас пригласил!» — Маг Воланд и барон Майгель — «Наше домашнее ГПУ» — Ольга Лепешинская, подруга посла — Балерины, «рабыни веселья» — Разведчик Кузнецов вербует богему — Трубочный табак для Сталина — Эйзенштейн боится — Страхи Андрея Миронова — Богема жует гамбургеры и пьет виски — Наши Энди Уорхолы — Пижонство Василия Аксенова — Козел на саксе на Рождество — Элтон Джон дает автографы на тарелках — «Пойти на Уголок» — Никита Богословский сорит деньгами — Домовые «Националя»: Олеша и Светлов — Кончаловский и Тарковский с кулаками — «Нарядная артистка» Людмила Максакова — Жена Бернеса и три замшевые куртки — Джаз для блатных и иностранцев — Виктор Щапов, художник-миллионер и его жена Елена Щапова, манекенищица — Фонтан с рыбками в «Метрополе» — Первое знакомство: Вишневская и Ростропович — Осведомители — В ресторан без пиджака и галстука ни-ни!

382

Глава девятая

ПОЭТ ЧУДАКОВ И ХУДОЖНИК ЗВЕРЕВ —

LES ENFANT TERRIBLE МОСКОВСКОЙ БОГЕМЫ

Туняедец, паразит и поэт — Лечение в психушке как орден Ленина — Наши московский Бродский — Как Чудаков «клеил» девушек — Лев Прыгунов и диван с клопами — Знаменитая стена с женскими ногами — Берегите книги от Чудакова! — «В Министерстве Осенних Финансов / Черный Лебедь кричит на пруду» — Зверев: я вырос на советской помойке,

571

*спасибо ей! — Зверев и Немухин — Зверев и милиция —
Патологическая брезгливость как свойство шизофреника —
Рубаха наизнанку — Его учителя — «Зверь» в Сокольниках —
Зверев и Румнев — Грек Георгий Костаки — Как он работал —
Композитор Андрей Волконский — Экспрессионист
Владимир Яковлев, слепой художник — «Зверюлюб» Игорь
Маркевич — Мода на Зверева — Сколько ему платили — Как
рисовать пеплом и творогом — «Детуля, хочешь я тебя
напишу? У тебя лицо строительницы коммунизма» —
Последняя любовь: старушка Оксана Асеева — «Я тебе
кефир подарю!» — «Да кто я в этой стране? Никто! А на
Западе меня гением считают!» —
Свиблоро-Гиблоро*

423

Глава десятая

ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ. ГАЛИНА БРЕЖНЕВА:

ГЛАМУРНАЯ ДИВА ЭПОХИ ЗАСТОЯ. БОГЕМА И БЛАТ

*Кино на дачах — Золотая молодежь Москвы: дети богемы
и бывших наркомов — За водкой во «Внуково» — «Расул
Гамзатов очень любил Галю» — Тусовки на квартирах —
«Фармацевты» богемы — Не жизнь, а цирк — Два мужа:
акробат Милаев и фокусник Кио — Вся в отца пошла! —
Большой ходок по балеринам Леонид Ильич — А сметану они
ели прямо из банки! — Галя, кандидат наук — Марис Лиена
и Ленинская премия — Не имей сто баранов, а женись, как
Чурбанов — Цыганский барон Борис Бураце — «Ночники»
в богемной «Усадьбе» в Архангельском — Юрий Соколов,
директор Елисеевского и большой друг богемы — Сервелат
для Андрея Вознесенского — Арест «дяди Толи»
из Союзгосцирка — Конец богемного
маршрута: психушка*

475

Глава одиннадцатая

«НЕ ПУСКАТЬ ПУГАЧЕВУ В МОНГОЛИЮ!»

СОВЕТСКАЯ БОГЕМА ЗА ГРАНИЦЕЙ

*«Звезда распоясалась!» — Жизнь на родине как главное
наказание — Богема в группе риска — Шаляпин как первый
невозвращенец — Голованов и Нежданова: ГПУ дает
разрешение на выезд — 1941-й: кому война, а кому... —
Соломон Юрок — Побег Рудольфа Нуреева — Театр сатиры
на гастролях — Весник, Папанов и де Голль — Виталий
Вульф на Елисейских Полях — Неблагонадежный Рихтер —*

572

*Как их проверяли — Плисецкая в Америке, а Щедрин
в заложниках — Как не поехать в Италию от Союза
писателей — Гастроли в группах советских войск в Европе —
Кто «стучал» в ансамбле скрипачей Большого театра —
Советские артисты в магазине для одноногих инвалидов —
Что ели и как готовили — Кипятильник в раковине,
бифштекс на утюге — Какими были гонорары и на что их
тратили — Прожить на один доллар в день — «Батюшка
царь, Христа ради, подай нам хлеба!» — Спартак Мишулин
кормит всю труппу — Советский чемодан, в который
влезает все — «Санитары Европы» из СССР в поисках
добычи — «Ищи, гад, магазин с дешевыми имотками!» —
«Катькина мочалка» — Взятки для Фурицевой и Госконцерта*

501

Послесловие
«СЕРДЕЦ ЛИТАЯ ТВЕРДЬ»

555

Литература

558